О жанре и о себе

Михаил Яковлевич
Черненок

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авторское предисловие к четырехтомнику, выпущеному в Новосибирске в 1994 году.

- Михаил Черненок

Михаил Черненок
О ЖАНРЕ И О СЕБЕ
Авторское предисловие

Выпускаемое впервые четырехтомное собрание остросюжетных повестей является результатом моей двадцатилетней работы в детективном жанре. Жанр этот своеобразный и, можно сказать, во многом консервативный. Он имеет свои жесткие законы, отступление от которых обычно приводит автора к творческой неудаче. Одно из основных условий детективного повествования: загадка — на первой странице, разгадка — на последней.

«Вечер с детективом — это прекрасно»,— сказала замечательная российская поэтесса Анна Андреевна Ахматова, которую трудно заподозрить в литературном невежестве. Хорошо отзывались о детективном жанре и другие известные литераторы. Вот, например, слова Бертольда Брехта: «Роман детективный — особый срез реальной жизни». Казалось бы, все ясно и понятно. И все же комментарии не излишни…

Дело в том, что широко распространенное при социализме мнение о детективе как о продукте «массовой культуры» — второсортном, низкопробном чтиве, в определенных кругах продолжает еще бытовать. Каких только ярлыков не навешали литературные эстеты этому многострадальному жанру! И несерьезный, и развлекательный, и неполноценный, и даже вредный. Словом, не жанр, а что-то вроде порочного дитя благородной матери-литературы. Между тем со времен Эдгара По до наших дней люди самых разных возрастов и званий зачитываются детективными книгами. Более того, социологи утверждают, что в нынешнее неспокойное время число поклонников детективов стремительно растет во всех развитых странах мира. Спрашивается, что это: массовая несерьезность в мировом масштабе или читатели настолько поглупели, что не могут осилить так называемую «серьезную» литературу?..

Разумеется, не то и не другое. Читателя оглуплять нельзя. Читатель — такой критик, которого не обманешь ни важностью темы, ни роскошью литературной формы, ни филигранностью стиля. Если культурный, образованный человек с повышенным интересом берется за чтение детектива, значит, есть в детективе что-то притягательное. Что же?..

Вольтер сказал: «Все жанры хороши, кроме скучного». В этом полушутливом афоризме классика заключается одна из основных причин, заставляющих с одинаковым любопытством тянуться к детективному повествованию и школьника, и академика. Уж в чем в чем, а в скуке детектив не обвинишь. И еще один вывод напрашивается из вольтеровского афоризма: пренебрежительное отношение к тому или иному жанру исходит не от большого ума. Действительно, вряд ли есть необходимость доказывать на полном серьезе, что любой жанр, как таковой, не может быть полноценным или неполноценным. Иное дело — во всех жанрах есть хорошие и есть плохие книги. Добротные детективные произведения захватывают читателя не только сюжетом. Они — своего рода социологические исследования, вскрывающие причины преступности, которая, к великому сожалению, приносит много бед любому обществу. Они учат видеть зло и бороться со злом. С помощью детектива, по моему глубокому убеждению, можно (и нужно!) активно воздействовать особенно на молодого читателя: развивать его воображение, расширять кругозор, в бездумье вносить мысли, в бездуховность — душу. Детективное повествование, как ни одно другое, позволяет писателю не только увлекательно рассказать, но и убедительно показать, насколько безнравственно любое преступление, как причудливо порою переплетаются людские судьбы, как втягиваются в роковую орбиту люди, не являющиеся, по существу, преступниками в полном смысле этого слова, и как трагически может закончиться жизнь таких людей.

Читатели часто спрашивают:

— Почему вы в своей писательской работе избрали именно детективный жанр?

В какой-то мере на выборе жанра сказалась моя биография. Родился я в селе Высокая Грива Тогучинского района Новосибирской области. Здесь прошло мое детство, выпавшее на трудные годы Великой Отечественной войны. Учился в средней железнодорожной школе № 51 г. Тогучина. Затем окончил штурманское отделение Новосибирского речного техникума (ныне колледж им. С. И. Дежнева). Много лет работал на Оби в должности инспектора судоходной инспекции, где наряду с обеспечением безопасности судоходства занимался расследованием аварийных происшествий. Это была самая настоящая следственная работа, с той лишь разницей, что расследовать приходилось не уголовные, а служебные преступления, связанные с нарушением Правил плавания, Правил технической эксплуатации и Устава службы на судах речного флота. Каждое такое расследование заканчивалось заключением,

начинающимся стандартно: «Мной, инспектором судоходной инспекции Томского участка Обского бассейна Черненком М. Я., личным выездом на место аварии и произведенным расследованием установлено…» Из этой стандартной фразы впоследствии родилось название моей первой детективной книги «Следствием установлено». С уголовными же преступлениями мне довелось основательно познакомиться на судебных процессах, в которых участвовал, будучи народным заседателем. И вот там, в зале суда, возник у меня замысел первых детективных повестей.

Один из литературных критиков назвал мою писательскую судьбу на редкость счастливой и удачливой. Да, мои повести пошли в печать, как говорится, с первого предъявления, им сопутствовал читательский успех. Однако путь мой в литературу был очень долгим и извилистым. Жизнь не баловала меня радостью легких успехов. Трижды мне пришлось начинать ее почти заново. Семнадцать лет отдано флоту, шесть — журналистике и лишь в зрелом, сорокатрехлетнем возрасте я отважился ступить на профессиональную писательскую дорогу. В такие годы успехи уже не кружат голову, не опьяняют. Напротив, они обязывают работать с еще большей добросовестностью, заставляют по-трезвому оценивать результаты своего труда, отметая напрочь словесную суету не в меру восторженных почитателей. И если мне на пятом десятке действительно улыбнулось творческое счастье, то в моих собственных глазах оно не кажется таким безоблачным, каким видится со стороны.

Детективы обычно легко читаются. Вероятно, поэтому многие думают, что с такой же легкостью они и пишутся. Мнение глубоко ошибочное. Не лукавя, скажу: когда сажусь за новую детективную повесть, в доме наступает траур. Детективы нельзя писать с прохладцей. Напряженное повествование требует столь же напряженной отдачи от автора. Мой рабочий день начинается с девяти утра и заканчивается в одиннадцать-двенадцать часов ночи. Месяцами работаю без выходных, не встречаюсь с друзьями и родственниками, строго блюду «сухой закон». Добавьте к этому бессонные ночи и получите полную картину «райского наслаждения» от писательского труда. Кстати сказать, расхожие слухи о высоких литературных заработках в нашем милом отечестве, мягко говоря, сильно преувеличены. Ни один из российских писателей, если он не конъюнктурщик и не обласкан правительством, не нажил трудом праведным палат каменных. Какая же необходимость заставляет садиться за письменный стол? Ответить на этот вопрос затрудняюсь. После завершения каждого детектива кажется, что на следующую повесть уже не

хватит ни сил, ни мыслей. Но проходит какое-то время, усталость отступает и… как сказал классик, рука тянется к перу, перо — к бумаге.

Почти на каждой встрече с читателями можно услышать:

— Написанное в ваших книгах было в реальной жизни или это выдуманные истории?

Я не из тех писателей, которые создают свои произведения умозрительно. Все, что до сегодняшнего дня вышло из-под моего пера, было на самом деле, но несколько не так, как написано. Литература — не фотография и не следственный протокол. Какая бы интересная история ни произошла в жизни, в своем реальном виде она является всего-навсего частной историей, вроде фотоснимка из семейного альбома. Чтобы превратить ее в художественное произведение, представляющее общественный интерес, надо из документальных фактов убрать случайности, на которые так неистощима выдумщица жизнь, усилить наиболее типичное и четко обозначить идейную авторскую задачу. Детективный жанр не терпит побочных отклонений и длиннот. Поэтому из жизненной истории приходится исключать все лишнее и оставлять то, что наиболее характерно для показа социальной проблемы и развития образов. Сюжетные ситуации необходимо обосновать вполне достоверными мотивировками. Когда автору это удается, детектив приобретает убедительность, а убедительность — одна из главных признаков художественности.

У всех моих литературных персонажей есть прототипы. Их постоянно держу в воображении, когда работаю за письменным столом. Следственные дела, как правило, дают фабулу, импульс к созданию того или иного детектива. А персонажи приходят в книги разными путями. Одних я переношу на страницы повестей, вспоминая судебные процессы, других, как говорится, беру прямо с улицы, из гущи нашей жизни. Тут еще многое зависит от того, какое социальное явление олицетворяет собой тот или иной тип. Порой сама жизнь заставляет вносить поправки в сложившийся сюжет, дополнять новыми штрихами оформившиеся было образы.

Серьезные преступления обычно не возникают вдруг. Зарождаются они с малого, как обвал в горах: сначала — камешек, за ним — лавина. Французы говорят: «Каждый считает, что у него не хватает денег и достаточно ума». Вот и появляются «умники», для которых не существует ни морали, ни законности. Безнаказанность развращает. Не пойманный своевременно воришка становится матерым ворюгой. Урвавший безнаказанно куш из государственного или народного кармана на личную иномарку начинает строить — опять же за чужой счет — собственный особняк либо дачу с размахом под боярский терем.

Протекции, блат, мошенничество, добывание денег любыми путями не останавливают алчных людей ни перед чем, даже убийством. Лишение человека жизни — одно из самых тяжких преступлений. Вред, причиненный большинством правонарушений, можно как-то компенсировать, устранить или уменьшить. Последствия же убийства неустранимы. И совсем неслучайно большинство детективов начинаются именно с этой трагической развязки.

Преступники живут не в вакууме. Они окружены обществом и довольно часто совершают преступления при прямом или косвенном участии в общем-то порядочных людей, из-за потери гражданской бдительности и стремления доверчивых обывателей разбогатеть на халяву. В подобных ситуациях потерпевшие нередко становятся соучастниками уголовно наказуемых деяний.

Все фамилии, имена и отчества действующих лиц в повестях изменены. Исключение составляют только реально существовавший сибирский миллионер Кухтерин да упоминающиеся в некоторых эпизодах сотрудники милиции, которые участвовали в раскрытии описываемых преступлений и рассказывали мне, как это проводилось. Образ Антона Бирюкова собирательный. Незыблемый принцип его следственной работы: нельзя восстанавливать нарушенную справедливость несправедливыми методами. Чего, к сожалению, так часто не хватает в нашей реальной жизни.

Более половины моих детективов написаны в 70-е — 80-е годы, когда свирепствовали доходившие до абсурда запреты цензуры. Почти из каждой повести вычеркнуты страницы, где сверхбдительные редакторы улавливали хоть малейший намек на то, что не все благополучно в социалистическом государстве. При подготовке к изданию этого четырехтомника появилось желание восстановить сокращенный по цензурным соображениям текст. Однако, подумав, решил оставить повести в том виде, в каком они выходили первоначально. Ведь каждое произведение — свидетельство той поры, когда оно создавалось. Что было, то было…

Сентябрь 1994 г.